

ИСТОРИЯ

УДК 94(47).83:34

И.В. Анисимова

ПРОБЛЕМА РЕФОРМИРОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ СУДЕБНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ТУРКЕСТАНА И СТЕПНЫХ ОБЛАСТЕЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Статья выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ по теме «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект № 33.2177.2017/4.6).

Рассматривается роль «народного суда» в судебно-правовой системе Туркестанского края и степных областей в конце XIX – начале XX в. и проекты его реформирования. Региональная администрация и центральные органы власти Российской империи, признавая необходимость реформирования существующей судебной системы, предлагали разные подходы и механизмы ее реорганизации. Отсутствие единой позиции тормозило проведение реформы и воспрепятствовало инкорпорации традиционных судебных институтов в общеимперское правовое пространство.

Ключевые слова: судебно-правовая система; народный суд; Туркестан; степные области; Российская империя; реформы; инкорпорация.

Эффективная судебно-правовая система общества является свидетельством высокого уровня развития системы законодательства, правовой культуры, правосознания и правореализации, а значит, позволяет говорить о развитии правового государства и гражданского общества. Этой взаимосвязью обусловлено особое отношение со стороны государственной власти к характеру правовой системы и правоотношений в стране. Во второй половине XIX в. Российская империя осознала важность для развития государства и общества наличие прогрессивной судебной системы. Отражением данного процесса является принятие Судебных уставов 1864 г. Однако социально-политическая и экономическая система российского государства, этническая и религиозная неоднородность регионов, входящих в состав империи, препятствовали реализации судебной реформы в полной мере. Государство изначально отказалось от политики унификации судебно-правовой системы в государстве, у коренных народов центрально-азиатских национальных окраин, народов Закавказья сохранялись традиционные судебные институты, на ряд регионов Судебные уставы 1864 г. не были распространены, и в целом проведение реформы затянулось до конца XIX в.

В связи с этим особый интерес вызывает Центрально-Азиатский регион, где на протяжении XIX в. Российская империя должна была выстраивать эффективные защитные механизмы, направленные на сохранение территориальной целостности. Этим объясняется формирование новой стратегии государственно-строительства, целью которой провозглашалась интеграционная концепция этнорегионов в общеимперское пространство [1]. Данная стратегия предполагала проведение комплекса мероприятий, направленных на нивелировку социальных страт традиционных обществ, трансформацию их традиционных институтов, вовлечение национальных окраин империи в общероссийский рынок, уменьшение роли ислама в духовной жизни народов империи и формирование единого правового пространства. Реформы 60–90-е гг. XIX в.,

проводимые в степных областях и Туркестане, были призваны обеспечить инкорпорацию коренного населения в политическую и социально-экономическую структуру империи и объективно были направлены на трансформацию традиционной системы его социальных институтов и отношений, в том числе и судебно-правовой системы, однако их результаты носили противоречивый характер.

К началу XX в. судебная система Туркестанского края и степных областей представляла собой сложный механизм, сочетавший в себе принципы современной юстиции и общеобязательные нормы права и элементы традиционной судебно-правовой системы коренных народов региона, таких как народный суд, институт биев, нормы адата, нормы шариата. Нормативно-правовой основой деятельности судебной системы являлись «Временное положение об управлении в Уральской, Тугайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» 1868 г. [2. С. 441–463] и принятое в 1886 г. «Положение об управлении Туркестанского края» [3]. Именно Положение 1886 г. стало определяющим для развития судебной системы центрально-азиатских окраин Российской империи. Данный законодательный акт, преобразовав порядок административного управления в регионе, в отношении реорганизации судебной системы ограничился лишь немногими изменениями, которые носили отчасти прогрессивный характер. Так, преобразованиями, представляющими весомое значение, стали упразднение должностей уездных судей и передача их функций в компетенцию мировых судей, изъятие из ведения областных правлений уголовных и гражданских производств, превышающих подсудность мировых судей, подчинение их вновь учрежденным областным судам, организацию прокурорского надзора и т.д.

Устройство судебной части в Туркестане было принято за основу преобразования судебной системы в степных областях, но было реализовано не полностью. Например, в Тургайской области не было учреждено особого областного суда, и возникающие в ней

гражданские и уголовные дела переходили для рассмотрения в Оренбургскую уголовную палату уголовного и гражданского суда, которую в 1894 г. заменили Оренбургский и Троицкий окружные суды.

Однако наибольший интерес вызывают разделы «Положения», определяющие роль и место народного суда в судебной системе региона и правосознании коренного населения. Согласно «Положению» 1886 г. народный суд сохранял все свои компетенции, более того, значение и правовые возможности традиционного суда были существенно расширены по сравнению с предшествующими этапами реформы [4].

Можно согласиться с мнением А. Салиева, что новым «Положением» 1886 г. российское правительство в известной мере усилило свой административный контроль над состоянием кочевого «обычного» судопроизводства, но все же он не был тотальным и, тем более, всеобъемлющим [5. С. 125].

Несмотря на основополагающее значение «Положения» 1886 г., Министерство юстиции Российской империи продолжало работу по преобразованию судебной части в Туркестанском крае и степных областях. В конце 80 – начале 90-х гг. XIX в. в Туркестане были введены в действие отдельные положения судебных уставов 1864 г.; так, в 1889 г. в генерал-губернаторстве вступило в силу положение о нотариальной части, а в 1890 г. была преобразована исполнительная часть.

Безусловно, сочетание в судебной системе Туркестана и степных областей общеимперских судебных институтов и традиционного народного суда, действующего на основе шариата или адата, половинчатость проводимых Министерством юстиции реформ, вызванных особенностями этнополитического развития региона, затрудняли как процесс инкорпорации региона в общеимперское правовое поле, так и эффективность самой правовой системы. Уже через несколько лет реалии правовой жизни показали малую результативность, а во многих случаях и несостоятельность сохранения народного суда в системе правоотношений как степных областей, так и Туркестанского края. В связи с этим к концу XIX в. в высших государственных органах Российской империи неоднократно стали обсуждаться возможные проекты реорганизации устройства судебной части в Туркестанском крае и степных областях. В первую очередь речь шла о необходимости распространения на регион Судебных уставов 1864 г.

Разработке программы преобразований судебной части в Туркестанском крае и степных областях предшествовала большая подготовительная работа. В июле 1894 г. степной генерал-губернатор М.А. Таубе признал необходимым пересмотреть некоторые нормы Положения об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями от 25 марта 1891 г. Согласно данному Положению организация судебной части в степных областях практически полностью опиралась на нормы и принципы Туркестанского положения 1886 г. Рассуждая о важности реформ, М.А. Таубе писал, что некоторые нормы Положения 1891 г. не соответствуют современным условиям жизни Степного края, поэто-

му их необходимо подвергнуть тщательному пересмотру, не исключая положения о судостроительстве [6. Л. 1 об.]. В 1897 г. Министерство юстиции внесло на рассмотрение Министерства внутренних дел окончательный проект преобразования судебной части Туркестанского края и степных областей. Представители региональной администрации, поддерживающие необходимость комплексной реформы судебной системы, неоднократно подчеркивали, что «ныне положение судебной части в сих последних (степных областях. – И.А.) не может быть признано удовлетворительным, так как дальнейшее сохранение по делам наибольшей важности, изъятым из ведения мировых судебных установлений, дореформенных процессов, с их отяготительными, совершенно устаревшими формальностями... препятствует в значительной степени его (Степному краю. – И.А.) преуспеянию» [7. Л. 7.].

Законом от 2 июля 1898 г. «О преобразовании судебной части в Туркестане и Степной области» судебная система региона была приведена в соответствие с Судебными уставами 1864 г., были созданы мировые суды, окружные суды (вместо областных) и судебные палаты [8–10]. Однако основные направления деятельности и полномочия народного суда, определенные «Положением об управлении Туркестанского края» 1886 г., подтверждались новым законом и система традиционного судопроизводства не подверглась коренным изменениям [11. С. 118–184]. Безусловно, судебная реформа 1898 г. имела весомую роль и стала важным этапом вхождения Туркестанского края и степных областей в общеимперское правовое пространство, но сохранение в структуре юстиции народного суда и полноты его компетенций ограничивало модернизацию судебной системы региона. Уже в декабре 1898 г. Туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской представил на рассмотрение военного министра проект преобразования народного суда в Туркестанском крае. Глава региона подчеркивал, что Положением 1886 г. были допущены существенные недочеты – «несоответствия народного суда его действительному значению, которые вредно влияют на авторитет русской власти в глазах населения, а потому, прежде всего, следует упорядочить народный суд в этом отношении. Широкая подсудность дел народному суду, предусмотренная положением 1886 г., повлекла за собой чрезмерное расширение значения в глазах туземцев народных судей, а несменяемость последних увеличила это значение еще более; предоставление же им права назначения наказаний, превышающих норму, предусмотренную за соответствующие преступления по русским законам, поставило народный суд даже выше первых инстанций русского суда» [12. Л. 26]. Но при этом туркестанский генерал-губернатор выступал против полной реорганизации народного суда как института судебной системы. Обосновывая свою позицию, С.М. Духовской утверждал: «Несмотря на злоупотребления и несправедливости, допускаемые народным судом, преждевременность его совершенного упразднения доказывается, помимо разности воззрений туземцев на право с русскими понятиями, еще слишком поверхностным знакомством нашим с

взглядами и обычаями туземцев, и в особенности необходимостью сношения с большинством чрез переводчиков, далеко не отличающихся нравственной благонадежностью». Генерал-губернатор ратовал за постепенное улучшение народного суда без коренной его реформы и говорил о необходимости «осторожного разрешения этого вопроса». В итоге проект, предложенный генерал-губернатором С.М. Духовским, не был реализован, но показал важность и обсуждаемость проблемы сохранения традиционного суда в правовой системе центрально-азиатских окраин Российской империи.

Политические трансформации в стране начала XX в. в определенной мере способствовали формированию взглядов о реорганизации всей государственной системы и интеграции национальных окраин в общеимперское пространство. К началу нового столетия в системе государственной власти Российской империи сложилось и четкое представление о важности совершенствования государственной системы правосудия. В связи с этим в 1894 г. была учреждена особая комиссия во главе с министром юстиции Н.В. Муравьевым, задачами которой стала подготовка предложений по модернизации принципов и механизмов деятельности судебных органов, учрежденных согласно судебной реформе 1864 г. В итоге многолетней работы комиссия к концу 1901 г. подготовила новую редакцию Судебных уставов и ряда законодательных актов. Министерство юстиции поддержало эту инициативу, и проекты реформ были направлены на утверждение в Госсовет. Однако, по мнению ряда исследователей, утверждению и внедрению новых редакций помешала революция 1905 г. [13. С. 146–147], которая поставила перед государством новые задачи. Тем не менее работа по проектированию реформ судебной системы не была полностью прекращена. Практически одновременно разрабатывались проекты о проведении реорганизации судебно-правовой части в целом ряде регионов. Так, в начале XX в. предполагалось проведение судебной реформы в Хивинском ханстве, вследствие чего Министерство юстиции в 1912 г. разработало законопроект о реорганизации русской юрисдикции в данном регионе, суть которого заключалась в распространении на Хиву судопроизводственных правил, установленных для Бухарского ханства Туркестанским положением 1886 г., содержащих положения о введении института мировых судей и сохранении народного суда для коренного населения. В 1914 г. вышло постановление об образовании при Министерстве юстиции Особого межведомственного совещания для обсуждения проекта основных положений устройства судебной части для туземного населения Кавказского края [14. Л. 26–28].

В начале XX в. стала очевидна и необходимость проведения комплексных реформ как в Туркестане, так и в Степном крае. Демографический рост и изменение этнического состава региона, вызванные активной миграцией восточно-славянского населения во второй половине XIX в., рост городов и развитие городской экономики, развитие института частной собственности, трансформация традиционного уклада и кочевого хозяйства требовали реорганизации меха-

низмов управления регионом. Важную роль играли и территориальные преобразования, произошедшие в центрально-азиатских окраинах Российской империи к концу XIX в. Административное деление Туркестанского края претерпело целый ряд изменений: Зеравшанский округ был преобразован в Самаркандскую область; к Сырдарьинской области был подключен Амударьинский отдел. Эти области, наряду с Ферганской, созданной в 1876 г. из южной части Кокандского ханства, считались «коренными областями» края. Семиреченская область, ранее входившая в состав Туркестанского генерал-губернаторства, в 1882 г. была выведена из его состава и включена в состав Степного генерал-губернаторства, но в 1899 г. была вновь возвращена в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Самой молодой из Туркестанских областей была Закаспийская. Она была образована в 1881 г. и до 1890 г. входила в состав Кавказского наместничества, в 1890–1897 гг. находилась в непосредственном ведении Военного министерства, а в 1899 г. была присоединена к Туркестанскому генерал-губернаторству [15. С. 137–138]. Безусловно, такие изменения требовали и коррективы нормативно-правовой основы управления Туркестаном.

В связи с этим в 1902 г. по инициативе туркестанского генерал-губернатора Н.А. Иванова была образована Особая комиссия для составления нового объединенного Положения об управлении Туркестанского края. Проект, разработанный комиссией, вызвал ряд замечаний, в том числе обвинения в незнании чиновниками, в нее входящими, региональных особенностей. Критика стимулировала дальнейшую работу над новым Положением, в связи с чем в 1908 г., по инициативе Николая II, была назначена ревизия Туркестанского края во главе с сенатором графом К.К. Паленом, которая и была проведена в 1908–1909 гг. [16. С. 11–12]. Ревизия затрагивала важнейшие сферы жизни региона, в том числе и судебную систему. Материалы, собранные чиновниками, и выводы, к которым пришла ревизионная комиссия, свидетельствовали о необходимости и важности реформы правовой сферы в Туркестане и степных областях.

Значимость итогов работы ревизионной комиссии позволяет остановиться на их анализе более подробно. По мнению одного из чиновников, готовивших материалы для ревизии Туркестанского края, «вырабатывая Положение 1886 г. составители смешали шарият и адат и выработали закон о народном суде непонятный» [17. Л. 24]. Во всеподданнейшей записке, содержащей главные выводы отчета о произведенной ревизии Туркестана, граф К.К. Пален подчеркивал, что, «приступив к государственному строительству в завоеванном крае, первый генерал-губернатор Туркестана генерал-адъютант фон Кауфман, в основание судебного устройства у туземцев положил принцип “сохранения народного суда с теми изменениями, кои необходимы для пользы народа и уменьшения в нем фанатизма, а следовательно и преград к сближению с русскими”». Однако этот принцип остался неосуществленным» [18. Л. 3]. Производители работ по сбору сведений о судебной системе кочевого населения степных областей и Туркестана чиновники

Н. Теплов и А. Соколов отмечали, что «старые, исторически сложившиеся условия быта киргиз (здесь и далее казахов. – И.А.) – патриархально-родовые отношения, – служившие источником правосознания киргизского народа, подверглись значительной ломке под влиянием вторгнувшихся в степь в связи с русской колонизацией, новых товарно-денежных отношений. Род и патриархальная семья находятся в процессе все ускоряющегося разложения и на их место становится современная индивидуальная семья и отдельная личность, со всеми присущими им и фиксированными в общеимперском законодательстве правами и обязанностями. Вследствие этого, решения народного суда, руководствующегося обычным правом приобрели в новейшее время характер неустойчивости и противоречивости. По той же причине современным исследователям обычного права киргиз и других туземцев предстоит столкнуться с особенными трудностями, свойственными перелому, совершающемуся в правосознании киргизского народа: известные нормы обычного права еще сохраняются в сознании народа, особенно старшего его поколения, тогда как в реальной жизни они уже утратили свое значение и более не применяются» [19. Л. 1–2].

Неоднократно чиновники критиковали и данный народному суду принцип выборности, который был впервые обозначен во «Временном положении об управлении в Степных областях» 1868 г. [2], а позднее закреплён в «Положении об управлении Туркестанским краем» 1886 г. Предполагалось, что выборное начало суда позволит ему быть гласным, открытым и демократичным, и даст коренному населению выбрать для управления достойных и компетентных, пользующихся уважением представителей. В действительности оказалось, что «родовое начало стало непреодолимым препятствием на пути развития общности среди киргизов, а выборное самоуправление еще более обострило нескончаемую борьбу родовых партий. Быстро ориентируясь в местном законодательстве, родовые старейшины воспользовались самоуправлением, как средством для осуществления родовых домогательств и способом для личного обогащения и достижения власти» [20. С. 40]. Верненский уездный начальник, в своей записке о народном суде характеризуя предвыборную борьбу в степи, подчеркивал, что в волостях партийные выборы сопровождаются подкупам, интригами, беспорядками и даже иногда убийствами. Вот как он описывал предвыборную борьбу родовых партий: «...Обе враждующие партии имеют особые названия: партия, имеющая в своих рядах наличного волостного управителя именуется “акъ-черю” и партия ей противная “кара-черю”. Цель домогательств каждой партии – получить на свою сторону весь народный суд и волостного управителя, приобрести этим путем преобладание во всех делах над противною партией и средство эксплуатировать ее в течение трех лет. Игра, требующая внимания, расчета ведется мудрыми старейшинами, объединяющимися в каждой партии под управлением наиболее старших и почетных главарей партии и ведется на большинство выборных всей волости, избираемых на аульных съездах... Старшины

каждой партии множество раз собираются на совещания, на которых избирают заблаговременно своих кандидатов на должности волостного управителя, народных судей, аульных старшин и волостных выборных, вырабатывают планы компании, выборной интриги, собирают деньги на подкуп с населения» [21. Л. 21–21 об.].

Как отмечалось в материалах ревизии К.К. Палена, партия «акъ-черю» при помощи волостного управителя «прибегает нередко к подлогам в посемейных списках, лишь бы увеличить свои шансы, хотя бы искусственным созданием большинства». Стремление ослабить соперника приводило к тому, что во время предвыборной кампании возбуждалось множество уголовных дел, «волостной управитель составляет протоколы, привлекая к ответственности представителей противной партии сплошь и рядом за вымышленные преступления... партия “кара-черю” не остается в долгу и засыпает правительственные места кляузными жалобами против волостного управителя, народных судей и других представителей своих противников» [20. С. 41].

Такая борьба предсказывала итог выборной кампании. Победившая партия «живет в течение трех лет относительно спокойно под крылом “своего” суда и “своей” волостной администрации, освобождается от повинностей, не облагается поборами, выигрывает все начатые ее членами или против них дела. Побежденная партия, наоборот, несет двойные повинности... и разоряется народным судом». Безусловно, при таком характере выборов, говорить об эффективности нововведения совершенно невозможно. В качестве меры, направленной на борьбу со злоупотреблениями биев при выборах, чиновники ревизионной комиссии предлагали развести выборы судебной власти и волостной администрации и производить выборы судей «сходом домохозяев известного аула, а не пятидесятиниками. Только в этом случае бии будут пользоваться доверием и будут меньше злоупотреблять своим влиянием» [22. Л. 14 об.].

Существенную роль при этом играли народные судьи – бии. Один из чиновников туркестанской администрации в своем докладе «О русском и народном судах» крайне негативно высказывался о народном суде: «Опыт службы и наблюдение за деятельностью народного суда привели меня к такому выводу, что избранные народные судьи стоят на низшей ступени умственного развития, не грамотны, часто совершенно не знакомы с адатом» [17. Л. 23 об.]. По его мнению, компетенции народных судей должны быть сокращены, «народным судьям нельзя давать такую власть, какая им дана по ст. 219¹, денежное взыскание должно быть до 100 рублей и заключение под стражу до 6 месяцев». Чиновник отмечал, что принцип выборности народных судей необходимо сохранить, но срок полномочий должен быть увеличен до 9 лет², важным принципом для выбора на должность должна быть грамотность претендента, «хотя по туземному и знакомые с писанным адатом». Число народных судей у кочевников должно быть уменьшено с 4 до 2 на волость. Региональные власти отмечали, что деятельность единоличных судей весьма слаба, «население

более доверяет коллегиальному суду или обращается в съезды (чрезвычайные. – И.А.)» [23. Л. 42].

Мнение о сокращении штата судей нашло поддержку и в итоговом отчете по ревизии Туркестанского края. В материалах ревизии подчеркивалось, что широкий состав народных судей (не менее четырех человек на волость) был изначально направлен на создание гарантий против личного или партийного пристрастия народных судей, однако на деле оказалось, что в судьи попадают лица, «принадлежащие к одной наиболее сильной в волости партии, и каждый из них, находясь в зависимости от избравших его, не позволит себе уклониться от соблюдения партийных интересов». В связи с этим расширенный состав народных судей «не обеспечивает в достаточной мере беспристрастного отправления правосудия и, вместе с тем, тяжелым бременем ложится на население» [20. С. 48]. Важным, по мнению одного из чиновников туркестанской администрации, должно было стать определение денежного содержания народного судьи, вместо неконтролируемых вознаграждений (бийлыков), утвержденных «Положением» 1886 г. [17. Л. 24 об.]. Данный недостаток отмечал и сенатор Пален, называя отрицательной стороной «в устройстве народного суда как оседлого, так и кочевого населения... установленный Туркестанским положением порядок вознаграждения их за отправление судебных обязанностей на основании обычаев, без определения его размеров, что дает народным судьям возможность, под видом обычного вознаграждения, вымогать его в непомерно высоком размере» [18. Л. 2–8].

Производитель работ по исследованию судебной системы Туркестанского края А. Соколов писал, что круг дел, подведомственных народным судьям, в казахских волостях обширен, в него входят «денежные иски на какую угодно сумму, все наследственные, семейные и имущественные дела, а также и уголовные, кроме убийств и грабежей». Такие широкие полномочия, по мнению Соколова, охватывали во всем объеме жизненные интересы и взаимоотношения казахов. К этому необходимо добавить, что размер налагаемых наказаний также настолько обширен и тяжел, что сразу «становится понятным то огромное влияние, которое имеют у киргиз бии, владеющие таким страшным орудием воздействия на массу».

Таким образом, народный суд в силу огромной компетенции, предоставленной ему законодательством, безгранично властвовал и действовал совершенно произвольно. Сам сенатор К.К. Пален отмечал, что «назначение народного суда отправлять правосудие по обычаям, на основах патриархального быта, выродилось в лицепрятное служение со стороны судей хищническим инстинктам партийных главарей и угнетение народных масс» [20. С. 42].

Важным недостатком существовавшей в конце XIX в. судебной системы в Степном крае и Туркестанском генерал-губернаторстве, по мнению большинства российских чиновников, связанных с регионом, являлись ограниченные возможности тяжущихся судиться в русском суде. «Положение» 1886 г. предоставляло такую возможность только при обоюдном согласии тяжущихся сторон [3]. Чиновники настаивали, что тя-

жущимся необходимо предоставить право вести дела в русском суде по заявлению одной стороны. «Введя 215 статью³, – писал один из чиновников, – сделана была большая ошибка, отдав киргиз в руки народного суда: правая сторона всегда желает судиться у русского суда, а сторона неправая препятствует этому».

Конечно, данная статья снижала эффективность самого процесса интеграции традиционной судебной системы в общеимперское правовое пространство. Осужденное или недовольное решением лицо не могло, без согласия другой стороны, перенести дело в русский суд для пересмотра его по существу, а возможность обратиться с жалобой для рассмотрения на съезде народных судей не приводила к значительным изменениям. На съезде «решения единоличных судей редко отменяются, так как бии друг друга поддерживают. Русский суд вмешивается только при формальных нарушениях или когда дело не подсудно народному суду» [22. Л. 8].

Собрав значительный материал по действующей в Туркестане на начало XX в. судебной системе, А. Соколов пришел к выводу, что «потребность многочисленного туземного населения в справедливом нелицеприятном и неподкупном суде не может почитаться удовлетворенною; об этом свидетельствуют и заявленные ревизующему Сенатору многократные ходатайства различных групп туземного населения и прошения отдельных лиц об упразднении народного суда или разрешении обращаться по свободному выбору одной из сторон к русскому суду. Рассмотрение целого ряда решений народных судов, постановленных по однородным делам и друг другу противоречащих, привело вместе с тем, к убеждению, что причина неудовлетворительного отправления правосудия среди туземцев кроется, помимо процессуального несовершенства самих судов, в свойствах применяемых ими материального права, сбивчивого и недоступного пониманию широких масс населения». По мнению чиновника, «составители Положения 1886 г. не решились дать в руководство народным судьям доступный общему пониманию, приуроченный к местным потребностям и согласованный с основными принципами русского права кодекс, а ограничились изданием статьи 210, уполномочивавшей народные суды как кочевого, так и оседлого населения решать дела “на основании обычаев”, совершенно упустив из виду, что у оседлого населения правовых обычаев не существует, так как они поглощены всецело писанными правилами шариата» [24. Л. 49–50].

Особой критики со стороны российских чиновников, несших службу в степных областях, заслужила деятельность чрезвычайных съездов, которые, как отмечал сенатор К.К. Пален, «играли весьма заметную роль в правовом быту киргизов» [20. С. 49]. Чрезвычайный суд собирался по представлению губернатора для решения дел, в которых участвовали жители разных уездов или волостей. Статус чрезвычайных съездов был определен «Положением об управлении Туркестанским краем» 1886 г. Однако на практике работа чрезвычайных съездов, как правило, не соответствовала установленным нормам. По мнению военного губернатора Акмолинской области

М.Я. Романова, «съезды эти (чрезвычайные. — И.А.) совершенно не удовлетворяют своему назначению и дела по несколько лет остаются нерешенными, только обременяя областную и уездную администрации излишне перепиской» [25. Док. № 133. С. 411]. В своем письме от 12 октября 1905 г. Степному генерал-губернатору областной начальник указывал, что «в делопроизводстве областного правления состоит много дел по прошению киргизов, направленных на рассмотрение чрезвычайных съездов, и эти дела переносятся из года в год, оставаясь нерешенными или за неявкою тяжущихся сторон, или за неприбытием народных судей». «Очевидно, — приходит к выводу военный губернатор, — киргизский народный суд и особенно чрезвычайные съезды, в своем настоящем виде не удовлетворяют туземного населения и оно утратило веру в них» [Там же].

Свою позицию М.Я. Романов основывал, в том числе, на сведениях, поступавших от крестьянских начальников. Зимой 1902–1903 гг. состоялся 1-й съезд крестьянских начальников Акмолинской области, в повестке которого стоял вопрос и о казахском народном суде. На съезде было выработано единое заключение, что необходимо продолжить реформы народного суда, так как «долголетняя практика со всей очевидностью доказала, что киргизский суд в современном его виде представляется учреждением крайне неудовлетворительным». По мнению крестьянских начальников, «инородцы не довольны своим судом и рядом с этим наблюдается проявление симпатий к русскому суду, в лице мирового института. Сравнивая порядок судопроизводства в русском суде, киргизы ... невольно отдают предпочтение стройности порядка русского судопроизводства, замечая в тоже время и неподкупность русского судьи, чего они в своем родном суде почти не находят» [Там же. С. 411]. Съезд предложил свою модель реорганизации казахского суда, выделив в нем три инстанции. Первой инстанцией в этой схеме должен был стать единоличный народный судья. Второй, апелляционной инстанцией был назван волостной съезд народных судей. Третьей инстанцией, выполняющей главным образом функции кассации, назначался съезд крестьянских начальников. Чрезвычайные съезды были исключены из предлагаемой модели устройства суда. По мнению участников съезда, они должны были подлежать упразднению как «отжившая форма суда, действующая на киргизов развращающим образом вследствие своего неправоподобия» [Там же. С. 412]. Как отмечает военный губернатор Акмолинской области, членами съезда неоднократно высказывалось мнение, что «в деятельности чрезвычайных съездов нужно видеть причину тех крупных самоуправств и краж, которые во множестве происходят в степи».

Важным недостатком деятельности чрезвычайных съездов являлось неудовлетворительное выполнение судейских обязанностей. Не только вызываемые стороны, но и назначенные уездными начальниками народные судьи являлись на место созыва весьма не исправно, прежде всего, из-за значительных расстояний, причем «судьи предпочитают уплатить за неявку установленный ст. 250 Туркестанского Положения

штраф в 10 руб., чем проездить сотни верст» [20. С. 77]. Нередко эти обстоятельства требовали переноса съезда на другое время, что существенно затягивало решение дел.

Кроме того, сама работа судей на съездах требовала серьезной критики. Так, в 1905 г. между волостями одного из участков Акмолинского уезда по предписанию Военного губернатора с 25 мая по 15 июня был проведен чрезвычайный съезд народных судей, на котором было рассмотрено и решено 80 дел, преимущественно по кражам. Однако народные судьи, по заверению крестьянского начальника «решали дела не справедливо, избегали наложения наказания на богатых и влиятельных, обвиняемых в краже и оправдывали их» [26. Л. 87].

Существенной критике со стороны администрации степных областей подверглись введенные Сенатом в 1904 г. изменения в деятельность чрезвычайных съездов. Согласно указу Сената было определено, что наряду с междууездными съездами необходимо проводить и чрезвычайные съезды между волостями одного уезда. Эти нововведения «ввели полный сумбур в судопроизводство, население совершенно не понимало — почему должен быть съезд чрезвычайный между волостями одного и того же уезда, самое слово чрезвычайный показывает, что это съезд особый» [17. Л. 27]. В результате изучения собранного материала чиновники ревизионной комиссии сенатора Палена пришли к достаточно резкому заключению, что «составители положения 1886 г. совершенно не ознакомились с чрезвычайными съездами, никогда не видали на них судопроизводства, поэтому 247, 248 и 249 ст.ст. и Указ Сената совершенно не применимы к делу» [Там же. Л. 27–27 об.].

Собранные сенаторской ревизией данные о положении народного суда в Туркестанском крае свидетельствовали о том, что «туземное население лишено чрезвычайно важного бытового и экономического прогресса», а консервативные тенденции в народных судах соответствуют «первобытному патриархальному» укладу жизни. Правила адата «далеко отстали не только от современных правовых порядков у культурных народов, но и от усложнившихся за последние годы условий гражданских отношений и экономического оборота среди самих туземцев». Народный суд, с учетом всех недостатков его устройства и деятельности, «уже не в состоянии удовлетворить насущным запросам современной жизни туземного населения края, и сознание его неудовлетворительности начинает даже проникать в народные массы». В своем отчете граф Пален писал: «Не даром во время судопроизводства ревизии ко мне поступали от туземцев наиболее культурных местностей края (напр. Андижанского уезда) коллективные письменные и устные ходатайства об упразднении народных судов и просьбы отдельных лиц о разрешении им обращаться к русскому суду. Если при этом принять во внимание продажность и партийную пристрастность народных судей в центральных областях Туркестана и в Семиречье, а также хаотическую беспорядочность устройства народного суда и отправления им правосудия в Закаспийской области, то станет очевидным, что

упразднение народных судов с полной заменой их общеимперскими судебными установлениями являлось бы наиболее правильным разрешением назревшего вопроса об упорядочении отправления правосудия в Туркестанском крае» [20. С. 203]. Не выглядела убедительной и позиция сторонников сохранения народного суда о том, что этот суд ближе и понятнее населению, а его упразднение приведет к опасной ломке коренных устоев туземной жизни – ее семейных и брачных обычаев. В качестве опровержения сенатор Пален рассуждал, что «многие из них (семейные обычаи. – И.А.) уже давно отжили свой век и не могут быть терпимы в культурном государстве, а те обычаи, которые не противостоят русскому государственному строю, сохраняются и при введении мирового института для всех дел туземного населения» [Там же. С. 205]. А наиболее важно, что «государство не может и не должно приравнивать судебное устройство к уровню понятливости населения, которое часто находится на низкой степени развития. Наоборот, создавая более совершенные формы суда, гарантирующие его справедливость и беспристрастие, государство тем самым способствует повышению в населении правовых понятий. Убеждаясь в превосходстве новых судебных органов перед отмененными, население быстро осваивается с ними, скоро научается понимать и ценить их и через них растет в своем правосознании» [Там же. С. 204]. Говоря о необходимости проведения реформ традиционной судебно-правовой системы Туркестана и Степного края, К.К. Пален приводил и аргументы, по его определению «политического характера». По мнению сенатора, «народный суд оседлого населения служит оплотом мусульманства; это – единственный официальный орган, самим законом уполномоченный проводить в жизнь правила проникнутого религиозного нетерпимостью мусульманского права и поддерживающий в туземном населении постепенно угасающий от соприкосновения с русскими государственными и правовыми началами фанатизм», а значит, упразднение народного суда в Туркестане приведет к постепенному ослаблению позиций мусульманского духовенства в обществе, что будет способствовать усилению русского влияния в регионе [18. Л. 7–8].

Таким образом, согласно материалам сенаторской ревизии графа К.К. Палена, проводимой в 1908–1909 гг., «Положение об управлении Туркестанского края» 1886 г., которое по праву можно считать «итогом двадцатилетней законотворческой деятельности местных и центральных властей, свидетельством сохранения главной тенденции политики царского правительства в Центральной Азии, направленной на органическое слияние Туркестана с остальной империей, частным проявлением общего курса имперской политики в отношении окраин» [27. С. 109], в отношении реорганизации судебной системы региона показало свою неэффективность. Важным, в связи с этим, выглядит мнение К.П. Палена, который полагал, что, несмотря на веские основания к ликвидации института народных судов, последнее вряд ли состоится в ближайшее время. Тем не менее сенатор был уверен в необходимости реформирования судебной системы

Туркестанского края и степных областей по пути ее унификации с общероссийской.

Материалы и результаты сенаторской ревизии, показав необходимость коренного пересмотра «Положения об управлении Туркестанского края» 1886 г. и проведения реформы традиционной судебно-правовой системы региона, получили широкое обсуждение в российских правительственных кругах. На основании собранных ревизией материалов Совет министров в декабре 1910 г. принял решение об образовании Особого совещания для выработки «основных начал преобразования управления Туркестанским краем» под председательством статс-советника П.А. Харитонova [14. Л. 34–35]. В работе Особого совещания, начавшегося в Петербурге в мае 1911 г., приняли участие представители различных министерств и ведомств, включая проводившего ревизию Туркестанского края сенатора графа Палена и Туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова. В ходе работы Совещания предполагалось внести изменения в законодательство по вопросам управления в Туркестанском крае с учетом выявленных сенаторской ревизией недостатков, а полученные результаты должны были лечь в основу ведомственных законопроектов [16. С. 13].

Отдельно на совещании рассматривался и вопрос о преобразовании судебной системы региона и упразднении народных судов. Совещание согласилось с оценкой народных судов как «неудовлетворительных» и несоответствующих современным реалиям политической и экономической жизни региона, однако так и не решилось на окончательное упразднение традиционной системы судопроизводства Туркестана и степных областей. Участники совещания подчеркивали, что в проведении реформ нужно быть более «осторожными», «не упраздняя совершенно народных судов, принять в отношении их такие меры, которые устранили главнейшие отрицательные их стороны <...> обезвредили бы их» [14. Л. 10]. Такая половинчатость мер, по мнению членов высочайшего совещания, обусловлена невозможностью замены народных судов в Туркестанском крае в полном объеме из-за элементарной нехватки «русских людей, знающих язык и правовые порядки туземцев». В итоге в качестве пути преобразования было признано необходимым ограничить компетенции народного суда путем передачи уголовных дел в общеимперские судебные инстанции, изменить порядок выборов народных судей с назначением последним государственного содержания, а также усилить прокурорский надзор за деятельностью народного суда.

В ноябре 2012 г. Совет министров, опираясь на заключение совещания, утвердил основные направления реформирования краевого, областного, уездного, городского и сельского управлений Туркестанского края. Важным стало принятое 20 ноября 1912 г. постановление Совета министров, которое одобрило передачу дел, подсудных народным судам Туркестанского края, в ведение органов мировой юстиции, с определенными оговорками. Так, при рассмотрении дел в сфере семейно-брачных отношений, вопросов наследования, проблем, связанных с порядком водо-

пользования, мировые судьи должны исходить из норм обычного права.

Свое мнение о проблеме упразднения народных судов высказывали и представители региональных властей, которые по просьбе Туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова предоставили к концу 1912 г. свои отзывы. Однако четкого единства в позициях военных губернаторов не наблюдалось. Власти Самаркандской и Семиреченской областей выступали за полную ликвидацию народных судов и замену их общеимперскими судебными органами. По мнению Семиреченского военного губернатора, «выборные суды у туземцев большое зло». Для рассмотрения маловажных дел необходимо учредить волостные суды по типу казачьих станичных судов, большую часть дел передать в общеимперские суды, учредить третейские суды из почетных судей, по шариатским делам признать высшей инстанцией для волостных и третейских судов окружной суд, куда в качестве эксперта приглашается духовное лицо [14. Л. 14]. Однако губернаторы Сыр-Дарьинской и Ферганской областей были более осторожны, полагая более эффективным не упразднение народных судов, а проведение некоторых реформ в области судопроизводства. На полном сохранении действующей системы настаивал начальник Закаспийской области, который среди прочего отмечал, что народный суд и обычаи наиболее удобны для коренного населения области; какими бы несовершенными они не казались, «они являются существенно необходимыми для благосостояния и счастья покоренного народа». Безусловно, такие расхождения были вызваны особенностями социокультурного развития тех или иных областей, позициями мусульманского духовенства и степенью русского влияния в регионе.

Результаты ревизии Палена были положены в основу проекта упразднения народных судов в Туркестанском крае, составленного в 1913 г. прокурором Ташкентской судебной палаты Ненароковым. Рассуждая о причинах сохранения в судебной системе Туркестана и степных областей народных судов, в проекте говорилось, что в свое время, в период присоединения обширных среднеазиатских пространств в Российской империи, «институт народных судов был уступкой со стороны русской власти малокультурному и чуждому населению <...>. Для того времени соображения о необходимости оставить туземцам их прежние правовые порядки и суды без существенных изменений – представлялись обоснованными и целесообразными, так как путем этой уступки достигалась первыми устроителями края цель спокойного без потрясений быта туземцев перехода их под власть России. Но в настоящее время, когда Туркестанский край прочно связан и развивается в полном единении с Империей, когда в этот край направляется коренное русское население, с которым туземцы находятся в постоянном общении <...> задачи правительства в Туркестане, конечно, не могут оставаться прежними задачами – покорения и умиротворения враждебного населения чуждого края» [14. Л. 16 об.]. Прежде всего, отмечалось далее, интересы государства требуют ассимиляции коренного населения с

остальным населением империи, что может быть достигнуто распространением на Туркестан общеимперских уголовных и гражданских законов и российской юстиции.

После обсуждения итогов ревизии Палена, выявленных недостатков действующих судебных учреждений, проект содержал и собственно механизм реорганизации судебной системы Туркестанского края, который в целом можно охарактеризовать как прогрессивный и отвечающий нуждам государственной политики в регионе.

В первую очередь, проект настаивал на упразднении всех форм народного суда, а подведомственные данным судам уголовные и гражданские дела требовал передать в компетенции мировых судей и общих судебных установлений на основании действующих в округе Ташкентской судебной палаты «правил о подсудности». Следующим предполагаемым шагом было приведение нотариальных и опекунских дел в соответствии с общеимперским законодательством, что подразумевало изъятие этих обязанностей у народных судей и возложение нотариальных дел по правилам нотариального положения на нотариусов (при отсутствии последних – на мировых судей), а опекунских дел – на рассмотрение сельских сходов (в Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областях) или волостных управителей под надзором мировых судей (в Закаспийской области).

Конечно, такие преобразования требовали и дополнительного финансирования, и увеличения штатов судебных учреждений. Для решения последней задачи в округе Ташкентской судебной палаты предполагалось учредить 66 новых должностей мировых судей; в каждом из пяти окружных судов открыть по одному отделению в составе товарища председателя и трех членов суда; расширить штат товарищей прокурора, секретарей окружного суда; образовать не менее 20 новых должностей судебных приставов окружных судов, расширить штат переводчиков при судах и окружной палате. Безусловно, увеличение аппарата юстиции в Туркестанском крае вызывало новые финансовые траты бюджета. Однако, как отмечалось в представленном на рассмотрение проекте, «столь значительные расходы государства, вызываемые проектируемым упразднением народных судов в Туркестане и передачею всех дел туземцев в Имперские суды, вполне оправдываются достижением благодетельной для многомиллионного населения среднеазиатских владений Империи цели установления для них суда равного и справедливого и устранения вредной обособленности туземцев от населения Империи в их правовом укладе жизни» [14. Л. 23]. Однако проект, предложенный Ненароковым, так и остался на этапе обсуждения.

Таким образом, результаты и выводы сенаторской ревизии 1908–1910 гг., проведенной графом К.К. Паленом, стали поводом для обсуждения судебной и правовой системы Туркестанского края и степных областей, но не повлекли за собой реальных преобразований. Реализации намеченных реформ помешали события внешнеполитического характера. Начало Первой мировой войны кардинально изменило поли-

тическую ситуацию в стране, и вопросы внутренней модернизации судебно-правовой системы отошли на второй план. Российские власти стремились сохранить и максимально интегрировать в общеимперское правовое поле подвергшиеся трансформации традиционные судебные институты, что было обусловлено характером национальной стратегии Российской империи. Но в итоге сохранение народного суда не позволило в полной мере инкорпорировать местное население

региона в общеимперское пространство и сформировать единую эффективную судебно-правовую систему. Вплоть до конца имперского периода, а затем и в первые годы советской власти в Туркестане и Степном крае сохранялась судебная система, сочетавшая в себе как общегосударственную судебную организацию, так и традиционный народный суд, что осложняло работу аппарата юстиции в регионе и препятствовало развитию прогрессивного правосознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Согласно ст. 219 «Положения» 1886 г. народный суд имел право налагать на виновных следующие наказания: 1) денежные взыскания не свыше трехсот рублей и 2) заключение под стражу не свыше одного года и шести месяцев.

² По «Положению» 1886 г. судья избирался на три года (ст. 221).

³ Согласно ст. 215 «Положения» 1886 г. дела, подлежащие разбору в народном суде, могут рассматриваться и мировым судьей или в областном суде только при обоюдном желании сторон, как истца, так и ответчика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лысенко Ю.А., Анисимова И.В., Тарасова Е.В., Стурова М.В. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Барнаул : АЗБУКА, 2014.
2. Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях (21 октября 1868 г.) // Древний мир права казахов (материалы, документы и исследования в десяти томах). Алматы : Жеті жарғы, 2005. Т. V.
3. Положение об управлении Туркестанского края 1886 г. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/turkestan1892.html>
4. Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Нормативно-правовая база реформирования традиционной судебной системы казахского общества в XIX в. // Вестник алтайской науки. 2013. № 1. С. 78–82.
5. Салиев А. Попытки инкорпорации традиционных судов Туркестана в систему судопроизводства Российской империи // Право и управление. XXI век. 2015. № 2 (35). С. 123–128.
6. Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее – ЦГА РК). Ф. 64. Оп. 1. Д. 647.
7. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1291. Оп. 84. Д. 18-1897.
8. Глазунов Д.А. Подготовка судебной реформы 1898 г. в Степном генерал-губернаторстве // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках. Новосибирск : Параллель, 2011. С. 163–169.
9. Васин К.Л. Административные и судебные реформы 60–90-х гг. XIX в. в Степных областях Западной Сибири (Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2008.
10. Нестеренко Л.С. Распространение судебной реформы 1864 г. в Туркестанском крае // Социально-гуманитарные и юридические науки: современные тренды в изменяющемся мире. Краснодар : Премьер, 2012. С. 292–296.
11. Судебная часть в Туркестанском крае и Степных областях / сост. И.И. Крафт. Оренбург, 1898.
12. РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 4-1901.
13. Бабенко В.Н. Судебная система России: История и современность. М. : ИНИОН РАН, 2007.
14. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 594.
15. Махмудова Н.Б. Сенаторская ревизия графа К.К. Палена в Туркестане: причины, ход, последствия // Метаморфозы истории. 2016. № 7. С. 134–150.
16. Шушкова М.Е. Реформа управления Туркестанским краем в начале XX в.: разногласия между С.-Петербургом и Ташкентом // Новый исторический вестник. 2012. № 2(32). С. 6–20.
17. РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 392.
18. РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 441.
19. РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 390.
20. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. Народные суды Туркестанского края. СПб., 1909.
21. РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 393.
22. РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 389.
23. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2209.
24. РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 8.
25. Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Алма-Ата : Изд-во АН Казахской ССР, 1960. Т. 1.
26. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2322.
27. Центральная Азия в составе Российской империи. М. : Новое литературное обозрение, 2008.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 ноября 2017 г.

THE PROBLEM OF REFORMATION OF THE TRADITIONAL JUDICIAL AND LEGAL SYSTEM OF TURKESTAN AND THE STEPPE REGIONS AT THE END OF THE 19TH – THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 44–53.

DOI: 10.17223/15617793/428/6

Inna V. Anisimova, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: iva0410@mail.ru

Keywords: judicial and legal system; people's court; Turkestan; Steppe regions; Russian Empire; reforms; incorporation.

The research is aimed to find and analyse the reasons, goals, main directions and productivity of reforming the traditional judicial and legal system of Turkestan and the Steppe regions at the end of the 19th – early 20th centuries. By the beginning of the 20th century a combination of elements of universal imperial secular justice and traditional law (the court of the biys, the Sharia trial, the adat norms, the kun institute) was a peculiarity of the legal framework of the Central Asian outskirts. Also, the judicial reform of 1864 did

not gain currency there, and up to 1898 prereform judicial institutions functioned in the region. Initially, the Russian authorities consciously aspired to preserve the people's courts in the region as an indicator of their loyalty to the traditions and customs of both the settled and nomadic population of Turkestan and the Steppe regions and as a result of searching for the most optimal model for managing individual ethnoregions. The judicial system required radical reforms as the region was joining the Russian Empire, the positions of the Russian authorities became stronger, the population was growing as a result of peasant colonization, social and economic relations were developing. The research is based on a wide range of sources, most of which are first introduced into scientific use. The basis of the source database is the documents and materials found in the Russian State Historical Archive and the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. These documents are the documents of a records management character, correspondence between officials of various departments on the issues of reforming the judicial system of Turkestan and the Steppe regions at the end of the 19th – early 20th centuries. Materials related to the preparation and carrying out of the inspection of Turkestan by Senator K.K. Palen in 1908–1909 are of significant importance. By the end of the 19th century, the existing judicial and legal system of Turkestan and the Steppe regions appeared to be ineffective according to both local authorities' representatives and central office clerks. K.K. Palen's inspection was determinative for assessing legal relations. It came to a conclusion that the standards of the Regulation of Turkestan Region's Governance of 1886 did not present changes in the region including its judicial system at the end of the 19th – early 20th centuries. Senator Palen was sure it was necessary to annihilate "people's courts" and to extend imperial judicial institutions in the region. As a result, several plans of reforming the judicial system of Turkestan and the Steppe regions were elaborated. However, the proposed reforms were of a limited character and "people's court" remained in the region's jurisdiction. The plans were approved by the central authorities but were not put into effect because of the First World War and the Revolution of 1917. The author concluded that the preservation of traditional judicial institutions and standards prevented from modern legal relations development and middle Asia outskirts integration in the imperial legal framework.

REFERENCES

1. Lysenko, Yu.A., Anisimova, I.V., Tarasova, E.V. & Sturova, M.V. (2014) *Traditsionnoe kazakhskoe obshchestvo v natsional'noy politike Rossiyskoy imperii: kontseptual'nye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.)* [Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: conceptual framework and mechanisms of the implementation (19th – early 20th cc.)]. Barnaul: AZBUKA.
2. Zimanova, S.Z. (ed.) (2005) *Vremennoe polozhenie ob upravlenii v Ural'skoy, Turgayskoy, Akmolinskoy i Semipalatinskoy oblastiakh (21 oktyabrya 1868 g.)* [Temporary provision on governance in the Urals, Turgai, Akmola and Semipalatinsk regions (October 21, 1868)]. In: *Drevniy mir prava kazakhov (materialy, dokumenty i issledovaniya v desyati tomakh)* [Ancient world of the Kazakh law (materials, documents and studies in ten vols)]. Vol. 5. Almaty: Zhety zharry, T. V.
3. Russia. (1886) *Polozhenie ob upravlenii Turkestanskogo kraya 1886 g.* [Governance statement of Turkestan in 1886]. [Online] Available from: <http://www.hrono.ru/dokum/turkestan1892.html>.
4. Anisimova, I.V. & Lysenko, Yu.A. (2013) Normativno-pravovaya baza reformirovaniya traditsionnoy sudebnoy sistemy kazakhskogo obshchestva v XIX v. [The legal framework of reforming the traditional judicial system of the Kazakh society in the 19th century]. *Vestnik altayskoy nauki*. 1. pp. 78–82.
5. Saliev, A. (2015) Popytki inkorporatsii traditsionnykh sudov Turkestana v sistemu sudoproizvodstva Rossiyskoy imperii [Attempts to incorporate traditional courts of Turkestan into the system of proceeding of the Russian Empire]. *Pravo i upravlenie. XXI vek*. 2 (35). pp. 123–128.
6. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 64. List 1. File 647. (In Russian).
7. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1291. List 84. File 18-1897. (In Russian).
8. Glazunov, D.A. (2011) Podgotovka sudebnoy reformy 1898 g. v Stepnom general-gubernatorstve [Preparations of the Judicial Reform of 1898 in the Steppe Governorate General]. In: Shilovskii, M.V. (ed.) *Sotsial'no-ekonomicheskie i etnokul'turnye protsessy v Verkhnem Priirtysh'e v XVII–XX vekakh* [Socio-economic and ethno-cultural processes in the Upper Irtysh region in the 17th–20th centuries]. Parallel'.
9. Vasin, K.L. (2008) *Administrativnye i sudebnye reformy 60–90-kh gg. XIX v. v Stepanykh oblastiakh Zapadnoy Sibiri (Akmolinskoy, Semipalatinskoy i Semirechenskoy)* [Administrative and judicial reforms of the 1860s–1890s in the Steppe regions of Western Siberia (Akmola, Semipalatinsk and Semirechenskaya)]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk.
10. Nesterenko, L.S. (2012) Rasprostraneniye sudebnoy reformy 1864 g. v Turkestanskom krae [Expansion of the Judicial Reform of 1864 in Turkestan]. In: Kiselev, A.S. (ed.) *Sotsial'no-gumanitarnye i yuridicheskie nauki: sovremennyye trendy v izmenyayushchemysya mire* [Social and humanitarian and legal sciences: modern trends in a changing world]. Krasnodar: Prem'er.
11. Kraft, I.I. (ed.) (1898) *Sudebnaya chast' v Turkestanskom krae i Stepanykh oblastiakh* [The judicial part in Turkestan and the Steppe regions]. Orenburg: Tipo-lit. P. N. Zharinova.
12. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1291. List 84. File 4-1901. (In Russian).
13. Babenko, V.N. (2007) *Sudebnaya sistema Rossii: Istoriya i sovremennost'* [The judicial system of Russia: History and modernity]. Moscow: INION RAN.
14. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 821. List 133. File 594. (In Russian).
15. Makhmudova, N.B. (2016) Senators' audit of Count K.K. Palen in Turkestan: reasons, implementation, results. *Metamorfozy istorii – Metamorphoses of History*. 7. pp. 134–150. (In Russian).
16. Shushkova, M.E. (2012) The Reform of the Administrative System of Turkestan Region at the Beginning of the XX c: The Conflicts between St. Petersburg and Tashkent. *Novyy istoricheskiy vestnik – The New Historical Bulletin*. 2(32). pp. 6–20.
17. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1396. List 1. File 392. (In Russian).
18. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1396. List 1. File 441. (In Russian).
19. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1396. List 1. File 390. (In Russian).
20. Russia. (1909) *Otchet po revizii Turkestanskogo kraya, proizvedennoy po Vysochayshemu poveleniyu Senatorom Gofmeysterom Grafom K.K. Palenom. Narodnye sudy Turkestanskogo kraya* [Report on the audit of the Turkestan Territory, made by the Highest Command Senator Gofmeister Count K.K. Palen. People's Courts of Turkestan]. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya.
21. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1396. List 1. File 393. (In Russian).
22. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1396. List 1. File 389. (In Russian).
23. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 64. List 1. File 2209. (In Russian).
24. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1396. List 1. File 8. (In Russian).
25. Zimanov, S.Z. (ed.) (1960) *Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana (so vremeni prisoedineniya Kazakhstana k Rossii do Velikoy Okt'yabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii)* [Materials on the history of the political system of Kazakhstan (from the time of Kazakhstan's accession to Russia to the great October socialist revolution)]. Vol. 1. Alma-Ata: Izd-vo AN Kazakhskoy SSR.
26. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 64. List 1. File 2322. (In Russian).
27. Abashina, S.N., Arapova, D.Yu. & Bekmakhanovoy, N.E. (eds) (2008) *Tsentral'naya Aziya v sostave Rossiyskoy imperii* [Central Asia in the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.